

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.44

СОЦИОСТРУКТУРНАЯ ДИНАМИКА НАЕМНОГО ТРУДА В РОССИИ

© 2012 г. Л. И. Щербакова

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)

Описываются условия и социальные факторы структурных изменений в институте наемного труда. Выявляются вызовы и риски формирования рыночной экономики. Приводится периодизация экономической культуры российского общества. Уточняются характеристики социального облика наемных работников.

Ключевые слова: институциональные изменения в экономике; наемные работники; наемный труд; функции наемного труда; экономическая культура.

In the article author describes the conditions and social factors of structural changes in the institute of hired labor, identifies the challenges and risks of forming a market economy, presents the periods of economic culture in Russian society and clarifies the characteristics and social habit of the employees.

Key words: institutional changes in the economy; the employees; wage labor; wage labor functions; economic culture.

Трансформационные процессы в современной России затронули практически все базовые социальные институты, в их числе институциональные формы организации экономики и труда. Как пишет в своей работе молодой исследователь О. Н. Слепцова, «трансформация — это глубокое, качественное изменение отчетливо выраженной созидательной или деградационной направленности, вызывающее в объекте трансформации морфологические, структурные, функциональные и другие изменения принципиального, коренного, сущностного характера» [1].

Формирование рыночной экономики в России сопровождается рисками и вызовами, которые сопровождаются гиперинфляцией, резкой дифференциацией населения по имущественному признаку, увеличением количества чиновничества и усилением его бюрократизации, доминирование структурной безработицы из-за несоответствия имею-

щихся мест занятости и условий труда. Пока отечественная социально-экономическая система остается менее эффективной, чем предшествующая ее советская.

Именно поэтому первопричину структурных изменений системы наемного труда следует искать в социальных трансформациях, свойственных российскому обществу.

Для характеристики этого процесса продуктивным, на наш взгляд, является сравнительно-исторический подход, утверждающий, что в переходный период социальная структура советского типа не может исчезнуть в одночасье. Следовательно, при рассмотрении динамики структуры наемного труда надо признавать наличие в нем элементов упрощенного социалистического труда и персонифицированных классов: рабочего класса, кооперативного крестьянства и трудовой интеллигенции.

Что же происходит в условиях этой тран-

зиции с трудом, в чем заключается суть его структурных и функциональных изменений? Во-первых, труд для большинства населения остается важной стороной жизнедеятельности, обеспечивая ему средства существования. На этом фоне менее значимыми для наемных работников остаются другие функции труда: возможность реализовать полученные знания и опыт, возможность самореализации и карьерного роста, возможность для инноваций и т. д.

Как уже отмечалось, прошедший период реформирования российской экономики не дал провозглашенных властными структурами результатов, касается ли это темпов экономического роста, создания класса эффективных собственников, реальной финансовой стабилизации или подъема жизненного уровня основной массы населения. В действительности наблюдается падение производства, сокращение капитальных вложений, резкое расслоение по уровню дохода при обнищании больших его групп, «бегство капитала» из страны, рост коррупции и криминальности в обществе, кризис финансово-промышленной системы. Нынешняя экономическая система России удостоилась в деловой и научной печати таких характеристик как сюрреалистическая, виртуальная, псевдорыночная. В числе основных черт этого феномена называются не только и даже не столько количественный спад (он во многом обусловлен сокращением неконкурентоспособного производства), сколько негативные качественные изменения в социально-трудовых отношениях, в наукоемкости производства, структуре занятости, квалификации и интеллектуальном потенциале нации. Корни этой экономики уходят в громадный промышленный сектор, оставшийся от советского времени и почти не затронутый реформами. Этот сектор экономики пережил рыночные реформы, и многие из его предприятий, и, следовательно, труд до сих пор производят продукцию, но не производят стоимость. Трансформацию труда в условиях российской рыночной трансформации лучше всего рассматривать, исходя из принципов той системы, из которой он вышел, т. е. бюрократической, командно-административной. Как показывает опыт реформ, здесь продолжается хорошо известная, но деформированная и редуцированная советская традиция — техноцентризма, в которой труд

и рабочая сила рассматривались как элемент издержек производства, стабильный и легкоуправляемый. В бюрократической системе складываются отношения не человека с человеком, а роли с ролью. Для проведения анализа сначала уточним, как в теоретических трудах раскрываются тенденции структурных изменений в российском обществе, и какие факторы выделяются в качестве преобладающих? Согласно выводам Н. Е. Тихоновой, советское общество на протяжении десятилетий строилось на слиянии властных отношений с отношениями собственности. В этих условиях традиционное деление общества на классы, предполагающее наличие независимых от государства субъектов собственности, утрачивало всякий смысл. Реальную основу социальной структуры составляло место в процессе нетоварного перераспределения, отношение к контролю над каналами распределительной сети (понимаемой, как распределение всех видов ресурсов), а социальная структура относилась к структурам сословного типа. По ее мнению, советское общество, относившееся по типу существовавшей в нем социальной структуры к обществам сословно-корпоративного типа, подразделялось на десятки групп, но укрупнено, без учета элиты (номенклатуры) и «социального дна», оно состояло из двух основных групп. Одна из них — «средний класс» — включала руководство предприятий, высококвалифицированных специалистов, в том числе рабочую элиту, а также тех работников, основная деятельность которых была связана с системой распределения. Вторая объединяла представителей «нижнего» класса — рабочих, колхозников и массовую интеллигенцию. Такой была социальная структура позднесоветской России. В результате обширных социологических исследований этот автор пришла к выводу, что за 10 лет глубоких трансформаций структура общества изменилась существенным образом. Установлено, что в период экономических реформ в России параллельно с сохраняющейся корпоративно-сословной социальной структурой возникает новая социальная структура классового типа, включающая шесть групп, что обусловлено сосуществованием двух относительно самостоятельных секторов экономики — государственного и частного. Верхняя и нижняя из шести выделенных

страт (нищие и состоятельные) практически уже оформились в группы со своими субкультурами. Для остального же населения характерны достаточно плавные переходы от одной страты к другой. Мы соглашались с выводами Н. Е. Тихоновой о том, что в рамках четырех наиболее многочисленных страт, в том числе и в среде рабочего класса, процесс формирования еще не завершен, а его структурный облик пока не до конца определился. Попадание в те или иные социальные слои на макроуровне обуславливается во многом теми же факторами, которыми детерминировалось место индивида в статусной иерархии в советское время (должностью, отраслью, местом жительства и т. п.). Однако углубление социальной дифференциации повлекло за собой ощущение снижения своего статуса у миллионов людей. Факторы, предопределяющие принадлежность к определенному классу, подразделяются на следующие: особенности рыночной позиции, место работы, место проживания, аскриптивные характеристики, семейное положение, социально-психологические особенности поведения, социализация и ближайшее окружение. Главным фактором стратификации в сегодняшней России является, как и прежде, работа в различных секторах экономики [2].

Исследования Н. Е. Тихоновой подтвердили эмпирическим путем выводы, полученные в результате теоретико-методологических разработок В. В. Радаевым и О. И. Шкаратаном на рубеже 1980–1990-х годов. Неовеберовскую традицию в анализе социальной структуры российского общества на рубеже 1980–1990-х годов развивал также В. И. Ильин, который пришел во многом к тем же выводам, что и О. И. Шкаратан и В. В. Радаев. Существовавшую в СССР социально-экономическую систему он охарактеризовал как государственный социализм, где в результате тотального огосударствления производства классовая структура ликвидируется, а на ее месте возникает сословно-словесая, где все граждане являются служащими единого государства. При этом, как подчеркивал В. И. Ильин, в условиях государственного социализма ведущая роль принадлежит синтезу профессионально-должностной и социально-отраслевой стратификации. Накладываясь друг на друга, они образуют целый ряд страт, обладающих набором устойчивых

существенных признаков: место в системе общественного разделения труда, размер и характер доходов, уровень и тип образования, социально-психологические особенности и др. По сути, это отраслевые общности, разделенные по критерию власти (профессионально-должностная стратификация). «В условиях большой многонациональной страны, — отмечал В. И. Ильин, — данная система социальной стратификации в значительной мере сливается или частично совпадает с другими системами одномерной и многомерной стратификации. Поскольку существует более или менее явное территориальное разделение труда, постольку на отраслевую стратификацию накладывается территориальная. Между работниками сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности — не только отраслевые различия, но и различия между городом и деревней... В результате противоречия приобретают особенно глубокий характер. Происходит накопление социально-дифференцирующих признаков» [3]. Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина использовали другой прием: они разработали понятие «экономическая культура» и проследили, как изменялись нормы и правила, регулирующие взаимоотношения в сфере труда за исследуемый период. По их мнению, экономическая культура — это «совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития: способствующих (или мешающих) трансляции, отбору и обновлению ценностей, норм и потребностей, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих её субъектов на те или иные формы экономической активности» [4].

Экономическая культура включает явления двойного характера: во-первых, продукты работы социальных институтов, относящихся к экономической сфере; во-вторых, продукты функционирования социальных групп — их живое социальное сознание. Иначе говоря, экономическая культура складывается из ценностей и норм — как институционального, так и субъективного, личностного характера. Субъективный личностный аспект экономической культуры фиксирует ценности, нормы предпочтения и другие элементы сознания объектов экономики. К их числу относят ценность для работника его

статуса в обществе: рода занятий, профессии, социальных благ, получаемых за труд; а также ценность самореализации субъекта в экономической сфере: возможность сделать карьеру, обладать собственностью (личной, кооперативной, государственной), распоряжаться ресурсами, проявлять экономическую самостоятельность. На основе всестороннего анализа типологических черт экономической культуры российского общества Р. В. Рывкина делает следующие выводы о периодизации её формирования: «В развитии экономической культуры страны просматривается общая логика, «выстраивающаяся» в линию: от зарождения экономической культуры административно-командного типа — к плюралистической культуре (включающей ценности и нормы разных укладов), от неё — возврат к административно-командной экономической культуре, упрочение этой культуры и её постепенная эволюция, включающая периодические сдвиги в сторону усиления то «командности», то «хозрасчётности». Таким образом, для сопоставления структурных изменений в сфере труда советского и российского общества можно сопоставить распределение работников в зависимости от организационно-правовых форм собственности, а также количественный состав работников в сферах отраслевой, профессиональной и территориальной занятости или акцентировать внимание на изменение параметров экономической культуры, которые дают представления о более глубоких качественных изменениях. Мы применяем исследовательские принципы Т. И. Заславской и Р. Н. Рывкиной соглашаемся с их определением экономической культуры и этапами ее формирования, и дальнейший анализ будем проводить в следующей последовательности:

I этап — зарождение экономической культуры административно-командного типа в условиях военного коммунизма;

II этап — развитие плюралистической экономической культуры в условиях НЭПа;

III этап — оформление экономической культуры административно-командного типа на основе специфических форм связей между социальными институтами советского общества и населением. Оформившись и просуществовав более полувека, эта культура менялась на одних, этапах в сторону «хозрасчётности», на других — «командное», но

при всех флуктуациях её социальный тип сохранялся;

IV этап — возвращение к плюралистической экономической культуре на основе преодоления тотального огосударствления экономики и становления многосекторного хозяйства.

Не вдаваясь в подробности, ограничимся некоторыми характеристиками структурного облика работников, и их самого многочисленного слоя — рабочего класса и особенностей социально-экономической ситуации в стране.

Принято считать, что до революции Россия была отсталой в экономическом отношении страной, на 100 человек населения приходилось 87 жителей сёл и деревень, численность рабочих фабричной промышленности на 1896 г. составляла 1 млн. 742 тыс. чел. [4].

Накануне революции по данным П. А. Хромова темп промышленного развития России в 1909–1913 гг. был весьма высоким. Так, добыча каменного угля возросла почти на 40% против 24% в США, 28% — в Германии, 7% — в Великобритании и 9% — во Франции. Выплавка чугуна выросла в России на 61%, в США — 20%, в Германии — на 33%, в Великобритании — 8%, во Франции — на 46%. Промышленному подъёму 1909–1913 гг. способствовал крупный импорт средств производства.

По данным В. И. Бовыкина российская промышленность в 1913–1914 гг. по абсолютным размерам годового прироста намного опережала сельское хозяйство [5]. И это при известном преобладании доли сельского населения.

Воспользуемся характеристиками А. Н. Энгельгарда, известного знатока русского крестьянства. По его мнению, под влиянием крепостного права в России «сложился способ работы, называемый «работой на барина», т. е. работы безучастной, равнодушной, лишь ради жалованья» [6]. Вместе с тем, «наш работник не ленив, если хозяин понимает работу, знает, что можно требовать, умеет, когда нужно, возбудить энергию и не требует постоянно сверхчеловеческих усилий». Под влиянием природных условий, считает автор, «сложился и характер нашего рабочего, который ... при случае, когда потребуется, может сделать невероятную работу» [6].

Изменение параметров экономической культуры демонстрирует глубокие качест-

венные изменения. При всем многообразии негативных явлений в сфере труда: низкая производительность, инертность, нарушения дисциплины и т. д., отмечается адекватность его основных принципов функционирования менталитету гомогенного большинства, причисляемого ныне к социальному слою наемных работников. В марксизме — официальной идеологии советского общества, из трех факторов производства (предпринимательство не признавалось и вне государственных форм запрещалось и преследовалось) труд определялся как единственный создатель богатства и стоимости. И данное понимание, и отношение к труду не было формальным. Труд и, прежде всего, в материальном производстве (в нематериальном — нет) действительно был источником богатства советского общества, ибо другие, прежде всего рыночные факторы не были задействованы. Труд в любой сфере деятельности признавался делом «доблести, чести и геройства». Значительно более формальную оценку имел статус конкретного человека труда и его большинства представителей. Но в целом социальное и значительное материальное равенство сохранялись.

Утверждению элементов командно-административного управления в сознании большинства способствовало положительное восприятие изменений в повседневной жизни, которое рассматривалось как улучшение по сравнению с каждым предшествующим периодом. В силу положительных характеристик советского периода отмечается уважительное отношение власти к проблемам равенства и социальной справедливости, в результате чего в сознании многих общество представлялось как «общество социальной справедливости». Постсоветское сознание и поведение наемных работников не представляет собой целостного образования, оно носит парадоксальный характер, так как в нем уживается поддержка рыночных реформ с резким неприятием и осуждением субъектов этих рыночных отношений. Высокая степень эгалитаризма, ставшая социальной традицией в позднесоветский период, делает особенно удивительным тот факт, что спустя всего пять лет после начала радикальных политических и социально-экономических преобразований Россия по показателям социально-экономической дифференциации

оказалась на одном из первых мест среди индустриальных стран. Перераспределение жизненных ресурсов и изменения в жизненных шансах основных социальных групп осуществлялись в невиданной ранее быстротой. Произошел скачек от состояния социальной целостности и чрезмерного эгалитаризма к демонстративному социальному неравенству. В развитых рыночных странах труд и организация его экономического и социального функционирования институированы всем ходом исторического эволюционного развития в институт современного рыночного труда со свойственными ему специфическими механизмами, и организациями, функциями, инструментарием, законодательством и другими институтами рыночного труда. В России в современных условиях происходит деформация социалистического труда со всеми его формами и особенностями, характеризуемым по сравнению с трудом рыночным, скорее как архаичный, природный, слабо затронутый институционализацией, в институт рыночного труда. И трудности реформ во многом на наш взгляд связаны со сложностями протекания этого процесса.

Труд в России никогда не проходил процесса социализации рынком. На Западе процесс рыночной социализации труда естественен и эволюционен, его институциональные основы естественны. Он не может быть иным кроме как рыночным, со всеми атрибутами рынка труда, стоимости и цены рабочей силы, простым и быстрым процессом высвобождения рабочей силы и формирования безработицы и механизмов адаптации и социальной защиты, формирования профессиональной подготовленности и т. д. В России институциональные основы труда нерыночные. Он — вынужденное и естественное средство существования и поддержания жизни, тяжелый процесс, процесс, необходимый для выживания. Подобное отношение к труду в особенностях исторического развития России. Именно поэтому российская социологическая традиция, плохо противостоявшая натиску экономического человека, и не задумывалась о постановке вопроса о труде как социальном институте.

Место проанализированных изменений в сфере наемного труда непосредственно влияют на положение работников в социальной структуре общества, на место труда в жизни

человека, состояние общественной атмосферы.

Для обеспечения продуктивной социальной динамики важно «разблокировать» механизмы социальной мобильности, которые в решающей степени в настоящее время детерминируются дифференциацией в социально-экономической сфере. Для расширения пространства социальной мобильности необходимо создавать значительные количества рабочих мест, требующих соответствующий уровень профессиональной и квалификационной подготовки и оплаты труда. Это пространство должно быть подкреплено соответствующими мотивационными механизмами, базирующихся на очевидных для большинства наемных работников примерах социального успеха, основанных на реализации профессионально-квалификационного потенциала.

Литература

1. Слепцова С. Н. Трансформация социально-экономических отношений России и Германии в контексте модернизации российского общества. — Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. — С. 91.
2. Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике: Автореф. дисс. ... докт. соц. наук. — М., 2000. — С. 10–141.
3. Ильин В. И. Социальная стратификация. — Сыктывкар, 1991. — С. 202–204.
4. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни. — Новосибирск: Наука, 1991. — С. 96–218.
5. Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. — М.: Наука, 1988. — С. 117.
6. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1878. — М.: Мысль, 1987. — С. 154.

Поступила в редакцию

28 февраля 2012 г.

Лидия Ильинична Щербакова — доктор социологических наук, профессор, проректор по образовательной деятельности Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Автор исследований по проблемам социологии наёмного труда и другим проблемам социальных институтов и процессов.

Lidia Ilyinichna Shcherbakova — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, pro-rector for the educational activities at Southern Russia State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Author of numerous works, devoted to actual problems of hired labor sociology, and other problems of social institutions and processes.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-20; e-mail: socis_srstu@mail.ru